

Дела иль пустяки давно минувших лет
(Письмо к М. И. Лонгинову)

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров
Под общей редакцией: В. Э. Вацуро (редактор тома), Н. К. Гея, С. А.
Макашина, А. С. Мясникова, В. Н. Орлова
М., "Художественная литература", 1980
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Премного благодарю вас, любезнейший Михаил Николаевич {1}, за присылку мне сентябрьской книжки "Русского вестника". В ней напечатана статья о "неизданных пьесах Грибоедова". А как в одной из помянутых пьес есть и мое участие, то вы, но любознательности своей, желаете иметь от меня справки и объяснения по этому делу. Не могу не повиноваться требованиям вашим: вы отец и командир всей пишущей грамотной и полуграмотной братии нашей, как строевой и наличной, так и бессрочно-отпускной и инвалидной. Вы не только начальник главного управления по делам печати живой и нынешней, но и мертвой, вчерашней, третьегодняшней, и едва ли не допотопной. Трудолюбивый, неутомимый изыскатель по русской части биографической и библиографической, вы все прочуяли, переведали, пересмотрели, до всего добрались и продолжаете добираться. От ваших истинно цензорских, то есть сотенных Аргусовых глаз ничто печатное доныне, и чуть ли не все писанное, не ускользнуло. Всеведение и память ваша изумительны. На ловца и зверь бежит. Вот нечаянно попало вам на глаза давным-давно забытое, да и в свое время мало известное, и, можно сказать, случайное произведение Грибоедова: "Кто брат? Кто сестра?", и вы сейчас производите, хотя и по остывшим от времени следам, дознание, чтобы определить, как, когда и при каких обстоятельствах оно возникло и совершилось. Из всех ответчиков и свидетелей по этому делу чуть ли не я один налицо из числа всех живущих на земле. Присягнув пред вами, что я буду говорить правду и одну правду, начинаю показание свое. Но извольте принять в соображение, что с того времени прошло несколько законных и крупных давностей; следовательно, могу передать только то, что помню и что уцелело в памяти моей под спудом, ныне неожиданно пробужденной вашим вопросом и предъявленными уликами. Теперь к делу, но с маленьким предисловием.

Литература наша в настоящее время переродилась в Чичикова. Вероятно, за неимением живых, наличных душ, она принялась промышлять мертвыми. Везде, где бы то ни было, у кого бы то ни было, скупает она мертвые души, выгребает их из могил и закладывает в разные журнальные банки. Иные из этих операций хорошо и блистательно удаются, но далеко не все. Другие проваливаются, за недостатком достоверных и законных свидетельств, за неблагонадежностью лиц, представляющих эти залогов. Впрочем, это дело банков – быть осмрительными и строго контролировать сбой кредитные распоряжения. Жаль только, что частые несостоятельности и ложные документы могут подрывать доверие публики к подобным сделкам. Впрочем, и то сказать, публика наша такая благонадежная, такая целомудренно-доверчивая, что за нее печалиться нам не для чего. Один тесть говорил про зятя своего: "Мой зять прекрасный человек; что ни поставь перед ним – все съест". Наша публика сродни этому зятю.

Как бы то ни было, я никогда не думал и не гадал, чтобы по истечении полустолетия вынырнуло из театральных подвалов дитя почти мертворожденное и вскоре погребенное. Мне казалось, что, не удержавшись на сцене, оно вовсе и безвозвратно погибло. Не тут-то было. Выходит, что французская поговорка: "Discret comme la tombe" {Молчаливый, как могила (фр.).} не всегда верна. В наше время и могилы сделались очень нескромными и болтливыми.

Во время оно и я был присяжным московским театралом. Привычка к театру есть род запоя. В известный час после обеда заносит какой-то червь в груди; дома не сидится; покидаешь чтение самой занимательной книги, отрываешься от приятного и увлекательного разговора и отправляешься в театр, чтобы в креслах своих смотреть на посредственных актеров и слушать скучную драму. Московская труппа была так себе. Больших талантов, и в особенности обрцованных актеров, тогда не было. Репертуар, как и вообще весь русский репертуар, был слаб и скуден. Нас, между прочим, забавляло смотреть, как некоторые из актеров, на сцене, в самом пылу действия или любовного объяснения, одним глазом ни на минуту не смитнут с директорской ложи, чтобы видеть, доволен ли игрою их Аполлон Александрович Майков, тогдашний директор